

8. Лубенская С.И. Русско-английский фразеологический словарь. – М.: Языки русской культуры, 1997.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 53 с.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1985.
11. Kovešes Z. Language, figurative thought and cross-cultural comparison // Metaphor and Symbol. – 2003. – № 18 (4). – P. 315.

Статью рекомендовала к опубликованию д.п.н., профессор Г.А. Краснощекова.

Полякова Елена Владимировна – ГОУВПО «Таганрогский государственный педагогический институт им. А.П. Чехова»; e-mail: polyak.lena@mail.ru; 347900, г. Таганрог, ул. Харьковская, 34; тел.: 89198736037; зав. кафедрой; доцент.

Poliakova Elena Vladimirovna – Taganrog State Pedagogical Institute in the name of A.P. Chekhov; e-mail: polyak.lena@mail.ru; 34, Kharkovskaya street Taganrog, 347900, Russia; phone: +79198736037; head of department; associate professor.

УДК 811.133.1

А.М. Червоний

ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА И ЕГО ФОРМАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ*

(на материале французского языка)

Статья посвящена рассмотрению типов семантического субъекта и его формальных трансформаций. Цель статьи: определить типы семантического субъекта, составить парадигму формальных средств, выражающих семантический субъект с разной степенью определенности. Материалом для анализа послужили синтаксические единицы французского языка. Автор статьи соотносит формальное выражение субъекта и его семантические функции с типологией предложения. В статье представлен анализ процесса устранения семантического субъекта как на уровне языка: в синтаксических моделях, так и на уровне речи: в высказываниях. В высказывании проявляется субъективная – объективная модальность, оказывающая влияние на формальное выражение семантического субъекта. Выражение семантического субъекта рассматривается также в застывших по форме и устойчивых по содержанию синтаксических единицах – фразеологизмах.

Семантический субъект; устранение; парадигма; дейксис; субъективность; объективность; синтаксическая модель; высказывание; фразеологизм.

A.M. Chervony

THE TYPES OF THE SEMANTIC SUBJECT AND ITS FORMAL TRANSFORMATIONS

The article deals with the analysis of types of the semantic subject and its formal transformations. The aim of the article is to find out the types of the semantic subject, to form the paradigm of formal means which express the semantic subject with a varying degree of distinctness. The analysis was based on the syntactical units of the French language. The author of the article brings the formal expression of the subject and its semantic functions into correlation with the sentence typology. In the article the author gives the analysis of the process of elimination of the semantic subject on the language level, i.e. in syntactic patterns, and on the speech level, i.e. in utterances. In utterances, the subjective – objective modality shows itself; this type of modality

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0528 «Особенности выражения констант духовной сферы Человека в идиоматике различных лингвокультурных сообществ».

influences the formal expression of the semantic subject. The author also analyzes the expression of the formal subject in syntactical units that have a set form and a stable meaning – in phraseological units.

The semantic subject; elimination; a paradigm; dexix; subjectivity; objectivity; a syntactic pattern; an utterance; a phraseological unit

Категория субъекта в языке имеет синтаксические корни и относится, как правило, к парадигме типологии моделей предложения как методу системной организации синтаксиса: «С точки зрения системной организации синтаксиса модель предложения предстает в качестве единицы расчленения всей совокупности разнообразных предложений языковой реальности как целого. В составе моделей, в их внутреннем устройстве **релевантны** здесь не их общеграмматическое предикативное значение, которое объединяет все модели, **а различия в форме и значении главных компонентов**. Этими семантико-грамматическими различиями, по которым модели сопоставляются и противопоставляются, определяются понятия типа предложения и в аспекте взаимных связей между типами – системная упорядоченность, типология предложения» [13:99-100 – выделено нами А.Ч.].

В языке категория субъекта рассматривалась с формально-семантической точки зрения. Так, в русском языке, по формальным признакам наличия/отсутствия главных членов предложения А.А. Шахматов предлагал асимметричную дихотомию двусоставных (всегда личных) и односоставных (номинативных, инфинитивных, безличных, определенно-личных, неопределенно-личных и обобщенно-личных) предложений [20]. При этом категория «личности» в русских грамматиках трактуется по-разному. Г.А. Золотова пишет: «Термин «личность» употребляется в лингвистике неоднозначно, но здесь [в цит. работе – А.Ч.] он означает, что позицию подлежащего занимает имя в именительном падеже (или его перечисляемые субституты со значением опредмеченного понятия). Что отражает это грамматическое установление? Прежде всего, признание его в качестве основного в грамматической системе, превалирование глагольно-именного (Ni-Vf) типа предложения. Вместе с тем нельзя не видеть здесь влияния логико-грамматических концепций и грамматик европейских языков. Отсюда – суженное, обедненное представление о действительном многообразии форм первого главного члена, носителя предикативного признака, неоправданность синтаксического противопоставления именительного падежа косвенным, нарушенное, смещенное соотношение синтаксических, морфологических и семантических признаков в представлении о подлежащем» [13:102].

Академик В.В. Виноградов рассматривает значения лица у глагола как шкалу, идущую от наименее многозначной формы (1 лица) через семантически более растяжимые форм 2 и 3 лица, далее – через неопределенно-личное значение – к устранению лица и безличности [10: 458–463]. В.В. Виноградов термином «устранение лица» определяет те случаи, когда говорящий обозначает лишь одно действие, как бы «не заботясь» о действующем субъекте [Там же: 462]. Устранение лица он рассматривает как элемент в градации выражения субъекта с разной степенью определенности.

Во французском языке отсутствует корреляция между некоторыми формальными и семантико-синтаксическими типами, например, основой ядерной модели синтаксического поля безличности является псевдосемантическое, т.е. формальное, местоимение *il*, семантически никак не связанное с местоимением 3-го лица и предполагающую определенную дистрибуцию семантики глаголов: *il pleut / il pleure* (ср. Сегодня дождит/ Мне не плачется, но, окказионально, у П. Верлена: «*Il pleure dans mon cœur comme il pleut sur la ville*»).

С другой стороны, невозможность для аналитического французского языка использовать опущение формального субъекта в большинстве синтаксических моделей отличает его от морфологически независимого, оформленного за счет флексий глагольного лица в русском языке: «Иду и вижу: плетёшься, шатаешься». Таким образом, из четырех возможных способов выражения лица деятеля (см. [12:85]), во французском языке превалирует «синтаксический – по связи со служебным местоимением, которое, имея грамматические признаки служебного слова, тем не менее морфологически не входит в состав глагольной формы: франц. *je parle, tu parle(s), il parle*» [Там же].

Это приводит Э. Бенвениста к определению категории лица у глаголов и местоимений как наложение двух корреляций: **личности** (противопоставление 1 и 2 лица 3-му) и **субъективности** (противопоставление 1 и 2 лица – адресанта и адресата). Третье лицо для него **не-лицо**, поскольку оно носит характер субститута, о неопределенном значении лица он ничего не говорит, хотя именно этому значению трудно приписать роль субститута [7:290].

Вслед за В.В. Виноградовым, В.Г. Гак представляет процесс обобщения вплоть до устранения лица деятеля следующим образом: 1) конкретно-личный субъект (с внутренней градацией от единичности к множественности); 2) совокупный субъект (*мы с тобой*); 3) собирательный субъект (*группа студентов*); 4) неопределенно-личный субъект (*стучат*); 5) обобщенно-личный субъект; 6) неопределенно-указательный субъект (*это*); 7) устраняемый субъект (*стучит!*); 8) безличность (бессубъектность: *светает*)» [12:86–87]. Он подчеркивает, что неопределенно-личный субъект занимает срединное положение на шкале устранения и обобщения лица. Ссылаясь на В.В. Виноградова, В.Г. Гак считает, что в нем сохраняется прямое или скрытое отношение к производителю действия, каковым является **одушевленное существо**. Одушевленный субстрат неопределенно-личных форм подтверждается двумя фактами: а) возможностью замены их пассивными конструкциями с устраненным субъектом (*поле вспахали – поле вспахано*) (пример В. В. Виноградова); б) тем обстоятельством, что во французском языке, например, существует особое неопределенно-личное местоимение *on*, восходящее к слову 'человек' (*homme*) [Там же: 86–87]. Часто обобщенно-личное местоимение может выступать в роли субститута 1–2 лица: «*On a mare de tes conneries*» или «*Tiens, on ne dit plus 'bonjour!'*».

С некоторыми поправками позволим привести схему В.Г.Гака, раскрывающую основные (первичные) функции эксплицитного (дейктического) субъекта во французском языке и вторичную функцию нейтрализации (ср. [12:87]):

Оппозиция:	<u>Определенное лицо</u> (<i>я, ты, он...: je, tu, il</i>)	<u>Неопределенное лицо</u> (<i>on</i>)
Нейтрализация:	<u>Обобщенное лицо</u>	

Таким образом, под обобщенным лицом понимается субъект диффузный (синкретичный), совмещающий в себе и одушевленность, и неодушевленность, референт которого определяется ситуативно, «здесь и сейчас». Он прагматичен [17, 1981] и во многом зависит от узуса. Так, во французском языке существуют два местоимения, обслуживающих неопределенное лицо: одушевленное *on* и неодушевленное *ça*. Однако в функции нейтрализации они имеют разную функционально-семантическую дистрибуцию, в зависимости от ситуативного узуса: «*On sonne*» (Звонят в дверь) и «*Ça sonne*» (Звенит звонок на перемену – *шк.*).

Итак, мы можем наблюдать на примере категории субъекта, как синтаксис, «прорастая» семантикой, порождает некоторый поливалентный семантический субъект с большей или меньшей степенью эксплицитности [19], который может

иметь референтом как одушевленную, так и неодушевленную субстанцию, действующую, переживающую, претерпевающую воздействие и т.д. Субъект перестает быть связанным с ядерной синтаксической конструкцией (как член предложения), имеет тенденцию к формально-семантической трансформации и т.д. По определению В.Г. Гака, обобщенно-личное значение может выражаться как путем переосмысления определенно-личного значения (например, это типично для русского языка, где формы 2 лица грамматикализовались в этом значении: *Что посеешь, то и пожнешь*), так и путем переосмысления формы неопределенно-личного значения (это характерно для французского языка, где местоимение *on* наряду с неопределенно-личным значением закономерно выражает и обобщенно-личное значение: *On récolte ce qu'on a semé*)» [12:87]. В том и другом языке такие формы коррелируют с категорией обобщения [2] и употребляются в поговорках, пословицах и др. паремиях.

Как видим, семантика чревата прагматикой, и предложение, сохраняя статус синтаксико-семантической модели (Г.А. Золотова), превращается в высказывание, которое отличается как актуализированное в речи предложение характеристиками, отмеченными В.Г. Гаком: *ситуативностью*; *избирательностью* (тематическими трансформациями, перемещением семантико-прагматического фокуса пропозиции); *компрессией и избыточностью* (опущение элементов, эллипсис, и дублирование элементов, плеоназм); *направленностью* (меной «точек зрения» говорящего и адресата, «субъект-объектными» или «субъект-субъектными» отношениями, например: «*Qu'est-ce que c'est beau!*» или «*Ça s'appelle 'Reviens!'*» – *шк.* «*Даю с возвратом!*».); *информативностью* (выделением релевантной информации, адекватностью пресуппозиции и пропозиции и т.д.); *эфемерностью* (локуцией «здесь и сейчас»: как библейское «*C'est toi qui le dis*») и др. (ср. [12:257-260]).

Однако, выходя вместе с категориями высказывания в речь, мы расширяем и ипостась субъекта, представляя его как произносящего высказывание (энунципальный субъект), как носителя определенной интенции и речевого намерения совершить тот или иной речевой акт (интенциональный субъект), как участника пропозиции высказывания (протагонист) и, наконец, как ко-субъекта, или «объект-субъекта» (реципиента, или адресата), имея в виду, что в каждом высказывании наличествует «фактор адресата» [3]. Здесь мы прочно становимся на позиции диалогизма, предполагающего, вслед за М.М. Бахтиным, что «единственная реальность языка – это диалог» [6]. Следовательно, в каждом конкретном адресанте (JE) отражается адресат (TU).

Философски-метафорично это субъектно-субъектное диалогическое единство демонстрирует французская (а скорее восточная) притча о двух друзьях: «Après avoir jeuné sept ans dans la solitude, l'Ami s'en alla frapper à la porte de son Ami. Une voix de l'intérieur demanda: Qui est là? - C'est **moi**, répondit l'Ami. Et la porte resta fermée...Après sept autres années passées au désert, l'Ami revient frapper à la porte. Et la voix de l'intérieur demanda: – Qui est là? L'Ami répondit: – C'est **toi!** - Et la porte s'ouvrit» (Цит. по [1:82]).

Выводя субъект за рамки предложения, а затем и высказывания, мы проводим не разделяющую, вертикальную, а соединяющую, горизонтальную черту между «языком» и «речью» и, вслед за Н.Н. Болдыревым, считаем, что при функционально-семиологическом подходе (синтактика-семантика-прагматика) язык выступает как единый объект – язык-речь, что позволяет учитывать взаимодействие двух его аспектов: статического и динамического, системного и функционального (деятельностного) [8].

Глаголы пропозиционального отношения «Я думаю, что ...», «Я полагаю, что...», «Я считаю, что...» имеют своим субъектом, «переживающего» (В.Г. Гак) интенционального субъекта. Они, если вернуться к дихотомии Э. Бенвениста (см. выше), и являются ядром *субъективности*, или «субъективной модальности» [10]

синкретично совмещая говорящего и интенционального субъекта «модуса» высказывания, когда пропозиция выражает определенное положение вещей – «объективное», с точки зрения говорящего.

Таким образом, проблема субъекта высказывания (а не предложения) приводит нас к дихотомии «субъективная»/«объективная» модальность.

Эпистемическая, субъективная модальность носит мысленный характер. «Она имеет место в уме говорящего (Г), но может и не иметь место в действительности» [21:174]. Соответственно объективная модальность не зависит от пропозиционального отношения и остается вне интенционального субъекта «объективным свойством объективной действительности» [Там же].

Однако в силу языковой рефлексии и метаязыковой функции языка, говорящий субъект может контролировать степень субъективности или объективности модальности своего высказывания. Отсюда вытекают известные парадоксы, типа высказывания «Волга впадает в Каспийское море, *но я так не думаю».

Введение неопределенно-личного местоимения, отражающего рефлексивный субъект, делает высказывание «более объективным», обладающим большей аргументативной силой. Неопределенно-личные высказывания стремятся к обобщению, а следовательно, и к объективности. С особенной четкостью это свойство проявляется во фразеологии языка, когда закреплённость формы и содержания, с одной стороны, «снимает ответственность» с говорящего (энунциатора) за достоверность (вероятность) пропозиции, а с другой, допускает амбивалентность интерпретации субъекта-адресата высказанной пропозиции в преломлении к собственным знаниям (пресуппозиции) и к ситуации общения. Например: «*On ne converse pas avec les fous ni avec les clochards*» [23:5].

Не случайно, в силу той же человеческой рефлексии, объектом суждений и умозаключений становится сам язык [22], речемыслительный процесс, определяющий «языковую личность» [14], её ценностный тезаурус и степень нормативности поведения (в том числе и речевого [18]). Однако для перевода рефлексии в плоскость фразеологии необходимо перевести субъект говорящий и интенциональный на уровень субъекта-протагониста, ввести его вовнутрь пропозиции. Здесь проявляется «дух народа» (по В. Гумбольдту), картина мира как языковой, так и этнической и когнитивной личности (субъекта) [14], имеющего, в зависимости от целей и ситуации общения, соответствующие номинации.

Как провозглашают в своей известной работе Дж. Лакофф и М. Джонсон, «... концептуальная система не осознается. О большинстве мелочей, которые мы делаем каждый день, мы просто не думаем, и делаем их более или менее автоматически по определенным схемам. Что представляют собой эти схемы – не ясно. Один из способов изучения этого – наблюдение за особенностями функционирования языка. Так как коммуникация основывается на той же концептуальной системе, которая используется и в мышлении, и в деятельности, язык оказывается важным источником данных об этой системе» [15:25]. Авторы предполагают, что основа «концептуальной системы по своей природе метафорична» [Там же].

Фразеология и паремии, закрепляющие в языке определенные «готовые» речения, не лишены субъективности. Знаменитое, ставшее «общим местом» (фразеопаремией) высказывание де Голля «*Je vous ai compris*» – ситуативно (война в Алжире) и субъективно (субъект – когнитивно-интенциональный тезаурус субъекта – президента де Голля) (Ср.: «Замочим в сортире», «Хотелось, как лучше, а получилось, как всегда»).

Классификация фразеопаремий концептуального поля «речевой или интеллектуальной деятельности» сводится к аксиологической триаде (+/-/0), где под нулевой позицией подразумеваются амбивалентные характеристики объекта. Од-

нако, какова роль субъекта в поле «речемыслеительной деятельности»? Здесь сохраняются приведенные выше три его ипостаси: **протагонист** (+ соматическая метафора/метонимия), **интенциональный** (аксиологический) субъект и **энунциатор** в рамках локуции данного фразеологизма (фразеологической номинации) в ситуации ситуативно обусловленного речевого взаимодействия: (-) «Mais, *tête de bois*, on parle pas de ces choses-là!»(TU); (-) «*Les fous inventent les modes, et les sages les suivent*»(VOUS / ILS); (0) «*C'est dit d'abondance de cœur*»; (+) (JE /TU/IL); «Qui langue a – à Rome va» (ON).

Обобщенность, неопределенно-личная форма субъекта позволяют проследить статику и динамику метафорической реализации субъекта-протагониста во фразеологизмах и паремиях (парадигматически и синтагматически), что дополняет языковую картину, например, речемыслеительной деятельности, позволяет определить ситуативную аксиологию фразеологизма, которая целиком относится к совокупной ипостаси энунцирующего и интенционального субъектов. Диапазон употребления дейксиса – от личных местоимений до трансформации или элиминации субъекта-протагониста (“*Vouloir c'est pouvoir*”) позволяет выявить вовлеченность говорящего во фразеологическую номинацию по параметрам «субъективность/объективность», опираясь на корреляцию «субъектность – бессубъектность» синтаксической модели и «субъективность-объективность» высказывания. «Неопределенно-генерализированный субъект не выражен отдельным словом и не охарактеризован ни по линии рода, ни по линии числа и лица. Формальное устранение субъекта и актуализация действия и составляют прагматику подобных рефлексивных высказываний» [16:67].

Таким образом, в основе образования фразеологии и паремий лежит генерализация субъекта, которая приводит к семантической псевдо-бессубъектности (при наличии говорящего субъекта) и квази-объективности такого рода речений. Однако функционально-семантический анализ показывает разнообразную типологию субъекта и его формально-содержательных характеристик во фразео-паремиях французского языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алферов А.В. Основы теории речевого взаимодействия. Введение в дискурсивную грамматику французского языка. Учебное пособие на французском языке. – Пятигорск: ПГЛУ, 2000. – 92 с.
2. Андис И.Б. Генерализированные высказывания в публицистическом и художественном дискурсах. На материале современного английского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Пятигорск: ПГЛУ, 2012. – 29 с.
3. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. СЛЯ. – 1981. – № 4 (40). – С. 356-367.
4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. – М.: Наука, 1988. – 314 с.
5. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Иностранная лит-ра, 1955. – 416 с.; – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 416с.
6. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
8. Болдырев Н.Н. Функционально-семиологический принцип исследования языковых единиц // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова – М.: Языки русской культуры, 2001. – С. 383-394.
9. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972. – 615 с.
10. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.

11. *Вольф Е.М.* Субъективная модальность и семантика пропозиции // Прагматика и проблемы интенциональности. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – С. 124-143.
12. *Гак В.Г.* Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
13. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: УРСС, 2001. – 368 с.
14. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – 6-е. изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
15. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.
16. *Рылов Ю.А.* Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. – М.: Гнозис, 2006. – 304 с.
17. *Степанов Ю.С.* В поисках прагматики: проблема субъекта // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 325-332.
18. *Стернин И.А.* Коммуникативное сознание, коммуникативное поведение и межкультурная коммуникация // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. – Воронеж, 2002. – С. 21- 28.
19. *Червоный А.М.* Формы устранения семантического субъекта во французском предложении: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 192 с.
20. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. – Л.: Гос-Уч-Пед. Из-во Наркомпроса РСФСР, 1941. – 619 с. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.
21. *Шатуновский И.Б.* Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 400 с.
22. *Язык о языке / Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой.* – М.: Языки русской культуры, 2000. – 624 с.
23. *André-Larochebouvy, D.* La conversation quotidienne. – P.: Didier-Crédif, 1984. – 196 p.
24. *Charaudeau P.* Langage et discours. Eléments de sémio-linguistique. – P.: Hachette, 1983. – 176 p.

Статью рекомендовала к опубликованию д.п.н., профессор Г.А. Краснощекова.

Червоный Александр Михайлович – ФГБОУ ВПО «Таганрогский государственный педагогический институт имени А.П. Чехова»; e-mail: skutrik@ya.ru; 347900, г. Таганрог, ул. Петровская, 68; тел.: 8634613585; зав. кафедрой; доцент.

Chervony Alexander Mixajlovich – Chekhov Taganrog State Teachers – Training Institute; e-mail: skutrik@ya.ru; 68, Petrovskaya street, Taganrog, 347900, Russia; phone: +78634613585; head of department; associate professor.